

НА ИЗЛЕТЕ года, на излете века, на излете тысячелетия огромная, продуваемая сквозняками Россия прощалась с великими своими гражданами.

Сказав или не сказав последние слова, оставил или не оставил завещание, ушли в иные века, в иные миры большие художники, оставив нам на память исписанные листы бумаги, граммофонные пластинки, магнитные ленты с записями.

Елена Гоголева, Евгений Габрилович, Наталия Сац, Пантелеимон Норцов, Иван Козловский. Все — ровесни-

25. 12. 93

Кузовской И. С.

ПОСЛЕДНИЕ НОТЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Куцугурт. - 1993. - 25 дек. - с. 1

СВЕЧА ЕГО ПОГАСЛА

Неровная, чуть колеблющаяся походка, ладонь, чтобы, не дай Бог, не погас, — защищающая мерцающий огонек свечи: Иван Семенович Козловский медленно двигался к сцене. Приблизился и вручил свой «свет» ошеломленному Богдану Ступке. Мой свет — вам, несите его дальше...

Он очень любил свечи. Свет храма, свет искусства, свет человеческой души заключался для него в

этом огненном лепестке на тонком стебле. И он всех стремился одарить этим светом.

«Горели свечи на столе. В окне отражались их блики. И я попросил всех повернуться к окну и посмотреть на эти блики. Счастлив тот, кто видит их, кто чувствует непознаваемость и тайну жизни». Он чувствовал. А многие чувствовали, глядя на него, с его по-

мощью прикасались к этой великой тайне.

Он неоднократно озарял и наши страницы — не только своим именем, своим чудесным лицом, но и своими сочинениями. Всегда писал сам, не позволял исправить ни слова — видимо, и слова ощущая наполненными светом.

Свеча его погасла, но свет ее остался. И очень трудно, но очень нужно нести его дальше...

Фото Н. Самойлова.

ки двадцатого. Когда умер Блок, которого Ахматова называла «часовым начала века», они приняли смену караула. Кто примет ее теперь?..

Их жизнь была долгой. Она была — всем. Она была несколькими войнами и революциями, политическими режимами, государствами. Они с гордостью носили ордена с изображениями серпа и молота и профилем Ленина. Они выступали на фоне красных знамен. Они слышали стрельбу на улицах Москвы в 17-м и в 93-м. При их жизни было совершено много геройческого и страшного.

Менялись стили и направления. Когда они были молоды, еще не было джаза. И только-только находил себя Великий немой. Они были современниками Станиславского и Мейерхольда, Бунина и Куприна, Есенина и Маяковского. Когда они были стары, умер социализм и уже вышел из моды рок-н-ролл.

Когда они умирали, дотла сгорели столы памятный в истории русского искусства «Славянский базар» и только что отреставрированный Камерный театр.

Уходя, двадцатый век ставит точки.

Звучат в хаосе и трохоте его последние ноты.